

Опасности революции

Рудольф Роккер

В моих обеих последних статьях [«Открытым текстом» и «Революционный миф и революционная действительность»] я попытался показать, что революция не является универсальным средством, которое может одним махом освободить человечество от всех социальных болезней и недостатков. Это невозможно уже потому, что всякая фаза общественного развития проявляется не за одну ночь, а нуждается в идейной подготовке, которая созревает лишь постепенно, прежде чем она принимает конкретные формы. Да и революция сама не может создать ничего нового; она может лишь примкнуть к определённым представлениям, которые уже каким-то образом отразились в умах людей и теперь ждут лишь возможности, чтобы воплотиться на практике.

Чем глубже эта идейная подготовка, тем лучше удастся революции устранить старые помехи, стоящие на пути развития новых условий жизни; тем легче ей будет выполнять её историческую задачу и расчищать дорогу для перестройки духовных и общественных условий. Но путь, которым она идёт, должен быть опробован и утверждён множеством новых опытов и практических попыток, зависящих от умственной зрелости и понимания людей, которые только и могут решить является ли дорога, которой они идут, действительно подъёмом, а не спуском. Ибо от пути многое зависит, т.к. он должен показать нам, приближаемся ли мы в действительности к новому будущему или просто перекрашиваем старый фасад, который хотя и может затмить глаза, но не сможет породить творческих сил, которые помогут свершиться обновлению общественной жизни.

Революция может ускорить такой процесс тем, что она создаёт ситуации, которые заставляют даже широкие народные массы, едва затрагиваемые идеями в нормальное время, заниматься проблемами времени и вырабатывать своё мнение. Чем более широкие массы будут подвигнуты этим способом к мышлению и под воздействием определённых настроений поставят особые интересы народа во главу своих размышлений, тем основательнее упразднит революция все помехи старого порядка и сможет инициировать лучшее будущее. Это всё, на что она способна, и кто ожидает от революции большего, переоценивает её возможности и возлагает на неё надежды, которых осуществить она не может, т.к. она привязана к соответствующим

познаниям людей и может проделать лишь то, что уже приняло форму определённых убеждений в головах народных масс.

Неттлау писал мне однажды во время Испанской гражданской войны, когда закат движения уже чётко обозначился:

«Современная техника может механически ставить всё более высокие рекорды скорости, но мысли и идеи не могут создаваться так просто механически, они должны сначала быть испробованы в долгосрочном опыте и претворены в жизнь. Даже природа не пускается на такие эксперименты; ибо хотя и существуют громадные степи с травой, но орхидеевых полей нет»

Это совершенно верно и особенно важно, что эти слова принадлежат одному из самых выдающихся знатоков социальных движений, бывшему в то же время и одним из самых ответственных историков. Не в последнюю очередь это был культ, возникший позднее вокруг Великой Французской революции, заставивший многих приписывать ей чудесные силы, которыми она никогда не обладала и которые лишь принимались за действительные. Кроме того, мы не должны забывать, что всякая революция, как и всякая насильственная катастрофа в истории, должна постоянно считаться с опасностями, которые легко могут стать роковыми. Ещё во время революции в Англии в 17-м веке и во Франции в 18-м во время борьбы против княжеского абсолютизма развились различные течения, которые не могли договориться друг с другом ни о средствах, ни о целях революции, что, в конечном итоге, привело к тому, что они поставили свои особенные интересы выше общих интересов народа. Концом было то, что в обеих странах к власти пришло самое сильное и самое бесовестное течение и уничтожило все другие, чтобы утвердить у власти самолично.

Сегодня эта опасность ещё больше, т.к. с развитием современного конституционного государства возникли и различные партии, которые, по сути, являются лишь политическими церквями, спорящими друг с другом за власть. Таким образом, политическая и общественная жизнь народов уже заранее была расколота и зафиксирована на определённые противоречия во вне и наружу, которые ещё более обостряются в революционное время. Всё революционное движение, навалившееся на многие страны Европы в 1848-1849 годах, потерпело крушение у этой скалы и стало жертвой властной политики национальных государств и политических партий. Тогда это были споры в рядах европейской демократии, вызванные тщеславными национальными интересами и предрассудками и предоставившие, в конце концов, реакции возможность снова собрать свои разрозненные силы и нанести революции решающий удар. Ибо там, где партии спорят из-за власти, там революция теряет свой настоящий смысл, т.к. она больше не поддерживается общими интересами и должна переродиться в контрреволюцию.

Если внутренняя разрозненность европейской демократии привела революции 1848-1849 годов к краху, так что она должна была разбиться о старые цитадели княжеского абсолютизма в России, Пруссии и Австрии, а во Франции воскресила бонапартизм, то наш собственный опыт после Первой мировой войны дал нам наглядный урок, который едва ли можно истолковать неверно. В этот раз это было международным рабочим движением, которое было расколото теми же властными интересами, так что оно больше не могло дать сплочённый отпор реакции тоталитарного государства.

Кстати, вера, что общественные изменения невозможны без насильственного разрыва с устаревшими формами общественной жизни, не является отличительной чертой анархизма, но определяется особенными условиями эпохи. Анархизм же — только одно определённое понимание жизни, отрицающее всякое внешнее принуждение и стремящееся поддерживать совместную жизнь людей на основании свободного договора и солидарных связей в общих интересах. Каким образом это произойдёт, зависит, конечно, от понимания самих людей и, прежде всего, от осознания того, что грубое насилие до сих пор не было способно действительно разрешить какую-либо великую общественную проблему, и именно по этой причине всегда выливалось в новые формы умственного, морального и общественного порабощения, даже если его приверженцы изначально руководствовались наилучшими соображениями.

Факт тот, что большинство великих предшественников вольного общественного порядка в различные исторические периоды не были приверженцами насильственного переворота и полагали основным направлением своей деятельности воспитание человека и органическое развитие его умственных способностей: от китайского мудреца Лао-Цзы, которого за его небольшую, но весьма содержательную книгу «Дао де Цзин» не без основания называли глубочайшим мыслителем всех времён, до Зенона, основателя стоицизма и врага авторитарных представлений Платона; от гностика Карпократа из Александрии до Петера Челсицкого, предшественника Толстого во время чешской Реформации; от ля Боэси и Дидеро до Годвина, Томпсона и Уоррена. И те великие перемены, за которыми наблюдал Прудон и которые он превосходно описал в своём труде «Идея революции в 19-м столетии», мыслились им не как борьба, решаемая на баррикадах, а как органическое развитие общества на основе европейской федерации и мютуэлистской экономики, которая вместе с упразднением всех монополий должна была гарантировать каждому производителю полный доход от его труда.

То, что именно в 19-м веке возродилась вера в необходимость насильственной революции, было не совпадением, а явлением, которому находится объяснение в политических и социальных условиях того времени. Между революцией и реакцией постоянно есть внутренние связи, которые нельзя игнорировать, если нужно исследовать определённую эпоху и её духовные свидетельства. Великая реакция Священного альянса, распространившаяся по всей Европе после поражения Наполеона, повлиявшая даже на Англию и бросившая тень от Москвы до Мадрида, где она французскими штыками помогла победить такому сумрачному деспоту как Фернандо VII и снова разбудили инквизицию, не оставляла иных возможностей. Это было время, когда доведённые до крайности авторитарные убеждения Де Местра, Бональда, Халлера и их более мелких подражателей снова убеждали многих интеллектуалов, которые подобно Де Местру хотели сделать «палача видимым символом всякого общественного порядка»; когда Гегель, обладавший тщеславием стать Макиавелли Германии, возвысил государство до божества и оказывавший на своих современников сегодня почти необъяснимое влияние, а австрийский канцлер Меттерних пытался привести общественную реакцию в определённую систему, которая должна охватывать каждое поле человеческой деятельности.

Но чем глубже укореняется реакция, чем более невыносимые формы она принимает, чем больше она пытается выкорчевать все достижения предшествующего революционного периода, тем более она усиливает веру в тех, в ком ещё живёт революционное наследие, что подобное впадение в варварство может быть исправлено только насильственным переворотом. Это усиливалось ещё и тем, что революция не управляется какой-либо внутренней логикой и её результаты нельзя предсказать.

Если историки сделали из этого вывод, что все общественные обновления, вызванные революциями, могли бы произойти и без них, и были ли бы даже более успешными, т.к. в таком случае им не нужно было бы опасаться контрреволюции, и постепенно становились бы твёрдым убеждением в мыслях людей и стали бы для них второй природой, то это лишь утверждение, которое ничем не доказать. В таких неплодотворных спекуляциях забывается самое важное: велики исторические события до сих пор вызывались не логическими предпосылками, а, в основном, психологическим влиянием, которое в революционные периоды часто разрастается до массовых выступлений, но не подчиняется ни законам логики, ни законам науки.

То, что общественные перемены были бы возможны и без революций, было бы неоспоримо, если предположить, что люди обладали бы необходимым пониманием. Можно предположить, что однажды настанет время, когда люди, как это предвидел ещё Прудон, станут делать свою историю сами и не станут доверять свои судьбы случайности или привилегированному правящему классу. А до тех пор остаётся верным слово Бакунина, что «кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но всё-таки они зло, великое зло и большое несчастье».

Бакунин, который после смерти Прудона оказывал, наверное, сильнейшее влияние на либертарное движение Европы, конечно, обладал более глубоким пониманием причин революционных переворотов, чем многие другие. Тем не менее, было бы неверным оценивать его революционные действия как черту его либертарных убеждений. Он так же находился под влиянием своей эпохи, как и многие другие, анархистами не бывшие. Это была реакционная реальность, которая усиливала веру в насильственные решения, разделяемую авторитариями и антиавторитариями. Не только члены тайны обществ того времени во Франции, Италии, Испании, Бельгии и других странах видели революцию в пределах досягаемости, такие видные историки как Квинте и Мишеле во Франции и Гервиниус в Германии придерживались этого мнения, выраженного в глубокомысленных социально-философских трудах вроде «Filosofia della Rivoluzione» Джузеппе Феррари (1851), «La Reaccion y la Revolucion» Пия и Маргалья (1854) и «La Rivoluzione» Карло Пизасане (1860).

И с воспоминаниями о 1789-м годе восстали из могил и тени диктатуры 1793-го года и охмуряют и сегодня мысли миллионов. Мы не можем отвергнуть революцию, т.к. она зависит от обстоятельств, на которые мы не имеем влияния; но мы не желаем делать из неё культ и приписывать ей что-то, чего она не может выполнить. Прежде всего же, сегодня нам нужно остерегаться оправдывать самые возмутительные вещи, как это всё ещё делают некоторые в отношении России. Святая цель никогда не оправдывала подлого средства, но нечестные средства часто порочили великие идеи.

Кто действительно хочет послужить своей эпохе и открыть для человечества новые пути для мысли и действия, тот должен сначала согласиться с мыслью, что все наши представления, понятия и убеждения обладают лишь относительной ценностью и не будут истинными вечно. Абсолютной правды нет, есть только проблемы правды, принимающие новые формы с изменениями духовных и общественных условий жизни и не связанные определёнными границами. То, что мы называем «правдой» или «заблуждением», постоянно меняется и история даёт нам множество примеров тому, как «заблуждение» одного поколения становилось «правдой» другого. Всякое новое открытие есть лишь ступень на пути к новым открытиям, только средство, но никогда — завершение. Если бы было вообще какое-то определённое представление о формировании исторического процесса, то это могло бы быть только вечной сменой проявлений, которая никогда не прекращается и постоянно создаёт новые формы нашего общественного бытия. Но именно эта простая правда очень далека от людей. Это причина тому, почему бывшие революционеры сознательно или несознательно переходили на сторону реакции. Они забывали, или никогда и не понимали, что в истории хотя и бывают определённые направления и тенденции, но никаких навсегда утверждённых форм общественной жизни.

Т.к. наше мышление никогда не приводит к окончательному результату и по своей природе должно оставаться несовершенным, нам никогда не удастся найти окончательное решение всех проблем, ведь сама жизнь постоянно создаёт новые проблемы, на которые мы можем отреагировать новыми методами нашего действия. Поэтому мы постоянно находимся на пути к новым открытиям, никогда не достигая конца этого пути. Именно в этом и заключается истинный смысл нашей жизни. Поэтому нам придётся смириться с мыслью, что нет универсального средства, что есть лишь различные методы, изменяющиеся с общими условиями, применяемые и заменяемые другими методами. Кто считает, что обладает неким средством для моментального избавления человечества от всех недугов, походит на средневековых алхимиков, всю свою жизнь напрасно пытавшихся найти «камень мудрости». Социальная алхимия ещё более безнадежна, чем алхимия лаборатории, пытавшейся лишь смешать мёртвые вещества, чтобы постичь все тайны жизни, в то время как социальный алхимик убеждает себя, что может формировать живых людей согласно определённым моделям, дабы достичь абсолютного совершенства общества.

Справиться с задачами времени — это самая высокая цель, которую может поставить перед собой человек. Только при этом ему не следует забывать, что и время проходит, а с ним и все средства, рождённые его лоном.

Есть люди, несколько не ценящие маленьких достижений нашего бытия, потому что считают, что этим притупляется воля к большим переменам. Они похожи на глупца, который хотел сберечь силы для большого дела и умер от того, что большого дела всё не появлялось. Ничто не ничтожно настолько, чтобы остаться незамеченным, и ничто не так велико, чтобы перестать к нему стремиться. Предвидеть в малом большое и никогда не теряться в болоте умственной стагнации — вот истинная житейская мудрость и верная оценка нашего бытия.

Но ещё хуже сдаться мёртвому фатализму, понимающему каждую форму нашего общественного бытия как «историческую необходимость», которой человеку не избежать, ибо его мышление и его действия определяются неоспоримыми законами

экономического движения. Мы хотя и не в состоянии уклониться от законов, лежащих в основе нашего чисто физического существования, и на которые мы не имеем влияния. Но то, что человек создаёт, может быть изменено, переименовано и заменено на другие формы общественной жизни посредством опыта, разума и силы воли. Вся история человечества является тому свидетельством, ибо она состоит из непрерывной смены общественных явлений и их культурных предпосылок. Знаменитые слова Байрона: «Что я могу, того хочу я!» хотя и неверны в отношении физических законов нашего бытия, но вполне верны для общественных отношений в которых мы живём и которым мы сами придаём форму и содержание.

Но тут не стоит забывать, что социальные перемены почти никогда не происходят без значительного трения внутри и снаружи. Тут тоже происходят катастрофы, родовые схватки и периодические перерывы, сглаживающиеся лишь постепенно, когда внутреннее равновесие общества восстанавливается новыми духовными и общественными условиями жизни. Незнание, попечительство, деморализация, слепой фанатизм, жестокий эгоизм и всяческие предрассудки тоже играют в истории свою роль, как и соображения рассудка, просвещение, воспитание и стремление заместить устаревшие формы общественной жизни новыми. Но все эти проявления, хорошие и дурные, подчиняются смене эпох и порождаются условиями и предпосылками, которые человек создаёт сам и которые он может своим вмешательством улучшить или ухудшить. В великой драме истории человек не является просто немым зрителем, но действующей личностью. Иногда он может преодолеть длинные отрезки своего общественного развития за короткие сроки, и он может точно так же часто, или даже чаще, на протяжении долгих периодов пребывать в тупом равнодушии или отбрасываться назад непредвиденными и непредсказуемыми обстоятельствами в прошлые состояния. В истории нет абсолютного должествования, а лишь возможности, которые могут вытесняться другими возможностями.

Как раз потому, что исторические процессы нельзя определить и предсказать согласно научным предпосылкам как процесс с мёртвыми веществами в лаборатории, т.к. они имеют отношение к живым людям, совершенно по-разному реагирующими на впечатления от внешнего мира, поэтому их непосредственные результаты бесконечно разнятся, так что их никак нельзя вставить в одну определённую схему. Перед этим фактом капитулируют разумные доводы логики и все методы чисто-научного мышления.

Единственное, что можно установить точно, это то, что при великих исторических катастрофах, таких как война или революция, все стороны человеческой природы разрастаются до своих крайностей, и это более явно, чем дольше такие события длятся и чем глубже они сотрясают общественное равновесие внешними и внутренними кризисами, что в такие периоды, где так много стоит на кону, просто неизбежно.

Я отдельно упомянул войну и революцию, т.к. между ними существует внутренностная связь, равно как и между революцией и реакцией, которые можно без особого труда исторически установить в каждом случае. Ибо и революция, по сути, является лишь войной между жителями одной страны, гражданской войной, но всё-таки такой войной, которая ведётся теми же военными средствами, что и любая другая война. Иначе и невозможно, т.к. внутренние и внешние противоречия, постоянно порождаемые властной политикой национальных государств и монополизацией экономики

в каждой стране привилегированными меньшинствами за счёт широких народных масс, неизбежно должны периодически выливаться в насильственные катастрофы. Не потому, что существует такая сущностная закономерность, а потому, что, как верно понял ещё Бакунин, человеческая глупость, незнание истинных причин общественных недугов и жестокий эгоизм разрушают все естественные общественные связи и не оставляют другого пути.

Весь наш политический и экономический порядок подготовил почву для сегодняшней социальной реакции тем, что он систематически подрывал естественные отношения между людьми и разделил общественный организм на отдельные составляющие, так что чувство общности постоянно ослабевало и не могло естественно развиваться. Внутри каждой страны он расколол общество на враждебные друг другу слои, классы и касты, а вовне — разделил общую культуру на враждебные нации, относящиеся друг к другу с постоянным недоверием и постоянно сотрясающие своей непрекращающейся борьбой общественное сосуществование и выводящие его из равновесия. Мы забыли, что экономика является не самоцелью, а только средством, чтобы обеспечить материальное существование человека и сделать ему доступными плоды более высокой культуры, равно как мы забыли, что политика государств не может решить ни малейшей общественной проблемы, а всегда ведёт логичным образом лишь к ещё большим катастрофам, чему неопровержимо научил нас последний период нашей истории. Именно тут и надо искать истинные причины всех войн и революций.

Прусский генерал Карл фон Клаузевиц, которого по праву называли философом войны, объяснял в своей книге «О войне», что война является лишь продолжением политики другими средствами, чем он хотел сказать, что когда все попытки дипломатии оказываются неудачными и определённые проблемы могут быть решены лишь военным насилием, должна начаться война, чтобы проделать то, чего не смогла политика дипломатов. То же касается и революции. Она начинается, когда все законные средства терпят крах и народу для борьбы за свои права остаётся лишь насильственное сопротивление. На самом деле, отношения между войной и революцией оказываются столь тесны, что бывает трудно провести между ними чёткую границу. Это касается, в особенности, всех войн против чужой власти, подчинившей народы после завоеваний. Так, именитые историки назвали восстание союза швейцарских общин против австрийской династии Швейцарской революцией, а также Войной за независимость Швейцарии. То же касается и восстания Нидерландов против Испанской монархии. И волнения в Северо-Американских колониях против английской метрополии также обозначаются историками и как «American Revolution», и как «War of Indipendance» – чтобы назвать тут несколько примеров, которые можно легко удесятерить.

Между войнами такого рода и революцией существует родство, как и вообще между войной и революцией. Поэтому «гусситские войны» в Богемии, давшие маленькому народу силы отбиться от организованного Папами европейского крестового похода, равно как и так называемые «войны за свободу» в Германии против Наполеона и период «Risorgimento» в Италии, сделавший Гарибальди одним из самых знаменитых народных героев 19-го столетия, заставляли пылать страстью мысли и чувства целых народов и наполняли, в особенности, молодёжь идеализмом, который не страшился

никаких жертв. Это было и причиной тому, почему государственные мужи старой школы в Австрии и Пруссии боялись таких движений, исходивших из самого народа, как самой революции.

Не так уж неправ был Фридрих фон Генц, наёмный писака Священного Альянса, когда писал: «Таким движениям никогда нельзя верить, т.к. никогда нельзя угадать, куда они ведут. Сегодня от направлены против чужеродного правителя, а завтра, возможно, против законных отцов страны собственного народа». После поражения Наполеона во всех немецких землях начались так называемые «преследования демагогов», когда целые толпы немецкой молодёжи хоронились заживо предательскими князьями и их трусливыми вассалами в казематах крепостей, после того как они рисковали жизнью в борьбе против власти Наполеона.

Даже тот факт, что многие из этих, якобы, «освободительных войн» против чужого владычества позднее оборачивались своей противоположностью и перерастали в обыкновенные захватнические войны, не является убедительным аргументом, т.к. и о революциях можно сказать то же самое. Не говоря уже о бесчисленных восстаниях в Европе, задушенных реакцией, прежде чем они получали возможность воплотить свои цели в реальность. Но и те малочисленные великие революции последних двух столетий, которым удалось успешно свергнуть старый режим, позднее превратились в свои противоположности и вставали на путь диктатуры и, тем самым, контрреволюции.

Английская революция привела к военной диктатуре Кромвеля и дала повод для кровавого подавления Ирландии, что стало для обеих стран вековым проклятием. Великая Французская революция, так славно начавшаяся, вылилась, в конечном итоге, в террор якобинцев, считавших, что они могут совладать с любым другим отличным мнением при помощи острой логики гильотины, и подготовивших почву для сабельной диктатуры Наполеона, которая привела к тому, что вся Европа четыре года подряд, без перерыва опустошалась в кровавых войнах. Русская революция, разбудившая надежды у измотанных Первой мировой народов, уже в первый год пала жертвой диктатуры «профессиональных революционеров» и привела к установлению политической теократии, для которой государство является всем, а человек ничем. Это впадение в новое варварство, для которого тоталитарная реакция стала принципом, и которое за последние 35 лет так идейно опустошила головы миллионов людей, что можно почти считаться с тем, что всякая революция сегодня приведёт к пропасти всеобщего порабощения и, вероятно, к целому ряду внешних войн.

Пока у нас нет возможности оценивать исторические явления иначе, чем через призму времени, мы всегда будем находиться под влиянием абстрактных предпосылок, которые зачастую против нашей воли становятся желаемым. Даже самый глубокий мыслитель не может избежать такого влияния, обоснованного сутью нашего мышления и нашими предрасположенностями, которые отчасти являются врождёнными или прививаются нам позднее социальным окружением, в котором мы живём. Лишь когда нам предоставляется возможность вблизи рассматривать вещи, о которых мы уже имеем теоретическое суждение, мы постепенно приближаемся к другим убеждениям, для которых нам раньше не хватало умственных сил. Это и есть путь человеческой мысли, и мы должны смириться с этим, т.к. в этой области других путей нет.

Каждое новое открытие должно оплачиваться новым и зачастую весьма горьким опытом, без которого не было бы возможным никакое умственное развитие. Зачастую это те же самые проблемы, которые всегда занимали людей различных эпох, но проделанный тем временем опыт приводит к тому, что мы каждый раз видим их в новом свете и часто видим тени там, где раньше видели только свет — или свет там, где раньше мы узнавали лишь тень. В этом исчерпывается весь смысл и все способности нашего мышления, и чем яснее мы это осознаём, тем лучше мы будем подготовлены к задачам, которыми нам предстоит заниматься, чтобы добиться новых условий жизни.

Сегодня это важнее, чем когда-либо, т.к. мы угодили в одну из тех хаотичных эпох, когда все теоретические предпосылки и понятия, некогда обладавшие умственной или этической ценностью, шатаются и должны подвергнуться перепроверке. Лишь тот, кто может посвятить себя этому и обладает моральной смелостью, честно выразить свои убеждения, действительно научился чему-то из великих перемен во всех общественных отношениях и их идейных проявлениях, которые наваливаются на нас со сторон, что делает его способным к новому пониманию будущего. Не имеется в виду, что он защищён от всех ошибок, ибо такую привилегию природа не положила в колыбель даже самому выдающемуся гению. Но тем самым он, как минимум, доказывает, что он честен сам с собой, и поэтому готов быть честным с другими.

Новое понимание приходит к нам не вдруг, оно получается и отвоёвывается медленно. Слепой фанатизм, доктринерское упрямство и пустые лозунги, фабрично производимые только для массовой потребности людей, лишённых собственного мнения, тут не помогут; они лишь связывают наши умственные способности и вызывают стагнацию в мышлении, из которой больше не сможет возникнуть ни одной новой мысли. Всякий умственно притязательный человек, который борется с собой и честен с собой относительно своих действий и мыслей, знает это. Я тоже понял это на собственном опыте и в собственном представлении о революции, которое я получил ещё во времена моей юности. Для меня этот опыт был очень полезным и проникновенным, т.к. он был получен в чрезвычайных условиях и, следовательно, произвёл на меня сильное впечатление.

Я родился в одном из самых древних городов Германии, на левом берегу Рейна и уже пятнадцатилетним попал под влияние социалистических идей. Мой родной город Майнц во время Французской революции был захвачен генералом Кустеном, который нашёл решительных союзников среди так называемых «клубистов» города, и был представлен такими известными учёными как Георг Й. Форстер, Адам Люкс и некоторыми другими во французском Национальном конвенте, пока город снова не отошёл к Германии. В раннюю юность — я родился восемь с половиной лет спустя после основания новой Германской империи Бисмарком — французское влияние на левом берегу Рейна всё ещё было достаточно живо, а для меня — в моём знакомстве с целым рядом старых революционеров 48-го года, принимавших активное участие в событиях 1848-1849 гг. в южной Германии. Но я подробно описал эти впечатления в первом томе моих воспоминаний и поэтому не хочу здесь на этом останавливаться. Факт тот, что я как юный социалист, под сильным влиянием моего дяди Рудольфа Наумана, уже тогда лучше разбирался в истории Французской революции, чем во многих исторических эпизодах «Священной римской империи германской нации»,

которая нашла своё бесславный конец в войнах против Наполеона. Но что притягивало меня тогда более всего прочего, было не Провозглашением прав человека в 1789 г., а драматические события штурмового 1793-го года, которые глубоко впечатлили мой юный ум. Я до сих пор помню, с каким неммым благоговением я смотрел на старую французскую гравюру, висевшую над рабочим столом моего старого друга Фолька — старого участника 48-го года, долго жившего во Франции и который, как он сам говорил, потому не мог присоединиться к немецкой социал-демократии, «что она слишком ручная». В центре картины находилась громадная гильотина, над которой красовались слова «Liberte, Egalite, Fraternite», а по углам старой гравюры находились изображения Марата, Дантона, Робеспьера и Карно.

Когда я в 1891-м впервые познакомился с анархистскими идеями и расстался с социалистическим движением Германии, постепенно изменились и мои соображения касательно великой Революции и его протагонистов. Особенно во время моего первого изгнания, когда у меня было достаточно возможностей углубиться в исторические исследования, на которые меня, в основном, подвигли труды Бухеза, Нодье, Квине, Мишеле, Гильома и Кропоткина. Вскоре я многое понял о реакционной тенденции централистских устремлений якобинцев и их культе «единой и неразделимой республики»; равно как и о неизбежных последствиях так называемого революционного террора, посредством которого была подготовлена почва для контрреволюции. Но моё общее представление о необходимости революции и спонтанных, почти сверхъестественных силах, которые её приписывались, тогда почти не пошатнулись. Ведь куда легче отказаться от врождённых черт или изменить их, чем от усвоенных идей, которые постепенно стали нам второй природой, и в которые мы тем более верим. К ним принадлежат самые яркие впечатления, которые наводят нас на новые соображения, и которых не может избежать ни один мыслящий человек.

Меня самого это понимание посетило, когда в 1918-м после начала Ноябрьской революции я вернулся в Германию, и это была сама революция и её последующее перерождение в тиранию тоталитарного государства, которые привели меня к этому пониманию. Во время этих пятнадцати лет в Германии, которые были самыми активными в моей жизни, у меня была возможность не только наблюдать как революция на моей родине всё более превращалась в борьбу за власть между политическими партиями, чей слепой фанатизм привёл их прямо в лагерь реакции, но я также понял, что развитие, проделанное революцией в России, должно было придать этой реакции интернациональный характер, что так ясно доказали события в Венгрии, Польше, Италии, Австрии и победа Гитлера в Германии.

При этом новом и самом крайнем деспотизме в облачении тоталитарного государства человеческая личность оценивалась только по её пользе для политического аппарата. Человек достаточно хорош для того, чтобы быть использованным в виде сырья бездушной, уравнивающей всё государственной машиной, чьи предводители не терпят ни частного права, ни какого-либо мнения, не совпадающего с законами ставшего самоцелью государства. Религиозные преследования еретиков тёмного Средневековья были теперь перенесены в политическое и привели к ужасающему преследованию всех, кто не хотел безусловно подчиняться этому новому варварству. Распоясавшееся безумие могло принимать только всё больший размах и затягивать

все больше и больше бездумных и подстрекаемых людей. Немецкая революция в этот раз погибла в самом начале — не говоря уже о русской — т.к. большинство её носителей не поняли своих элементарных обязанностей и пытались лишь дальше усиливать горячку идейной массовой эпидемии, под ядовитым дыханием которой должна была увянуть всякая надежда. То, что последовало за этим, было лишь логичным результатом культурного краха, который должен был привести к величайшей катастрофе всех времён.

Жестокое угнетение всех духовных и общественных достижений последних двух сотен лет, вмешательство государства в самые интимные отношения между полами, безмянный ужас концентрационных лагерей, политические убийства на службу государственных интересов, духовное отравление молодёжи посредством государственной пропаганды ненависти и фанатической нетерпимости, постоянные апелляции к самым низким инстинктам масс бессовестными демагогами, для которых цель оправдывала любые средства, лживая, нацеленная на обман и друзей и врагов политика, не признающая ни законов, ни заключённых договоров, и, в конце концов, пакт между Сталиным и Гитлером, ставший непосредственным поводом для начала красного потопа Второй мировой войны — это были этапы самой жуткой мировой трагедии и таких её страшных проявлений, как уничтожение шести миллионов евреев, ставших жертвами дикого расового помешательства, и превращение целых регионов в усеянные трупами поля и пустынные руины. Из этого драконового семени организованного безумия и слепой разрушительной страсти мог родиться лишь сегодняшний хаос всех понятий и понятий, который может привести нас теперь к новой пропасти, глубину которой не сможет оценить и всевидящий глаз какого-нибудь пророка. Кто не научился ничему из этого чудовищного культурного кризиса всей нашей общественной жизни, сотрясающей весь мир в его основаниях на протяжении лет, что могло бы привести его к новым мыслям, мимо того события последних десятилетий прошли бесследно, и он едва ли будет способен достичь, которые могли бы вывести нас из лабиринта безумия и варварства в сторону лучшего будущего.

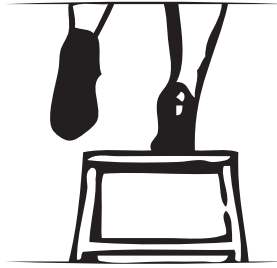
Прежде всего, мы должны научиться понимать, что великие общественные катастрофы никогда не могут заменить органичного развития общественных перемен. При особенно благоприятных условиях они могут сократить ход этого развития, но только в том размере, в каком люди восприимчивы к новым идеям и способны на конструктивную работу, чтобы претворить в жизнь новые формы нашего общественного бытия. Там, где этого нет, там революция становится вопросом власти для партий, который почти всегда находит своё завершение в диктатуре. Это понятно тем более, что все насильственные катастрофы, такие как война или революция, особенно когда они длятся долго, приводят людей к неверной идее, что насилие может решить все проблемы. Широкие массы постепенно свыкаются с честной верой, что насилие является неизбежным злом, на котором основывается всеобщее счастье, и которое может привести людей в лучшее будущее. Алчущие власти демагоги используют эту веру в своих тщеславных планах и, в конце концов, становятся носителями новой тирании, которая, как мы чётко можем видеть сегодня, зачастую бывает ещё более худшей, чем тирания прошедшей эпохи. Это секрет, лежащий в основе всякой

диктатуры: одни следуют честной, но обманчивой вере, другие выигрывают на этом и создают из мечтаний обманутых народов жестокую реальность.

Ибо счастье тоже является только относительным понятием, и кто считает, что людей можно сделать счастливыми при помощи насилия, подводит их под ярмо нового порабощения. Люди не станут счастливыми, если всех их подвергнуть одному и тому же угнетению.

Там, где у человека отнимают свободное решение создавать свою жизнь по собственному разумению, там даже рай становится адом. Наверняка, должно пройти много времени, пока эта правда не распространится, а люди не пойдёт по другому пути в своём общественном развитии, который сделает их господами их собственных судеб. До тех пор едва ли можно будет избежать насильственных катастроф в истории, т.к. они зависят от условий, которые хотя и создаются самими людьми, но до сих пор не понял, как с ними справляться. Но совершенно ошибочно было бы делать веру в неизбежность подобных катастроф составной частью либертарных убеждений и не замечать опасности, которые они постоянно влекут за собой. Высказать это — как раз сегодня это необходимость, от которой мы не можем отказаться, если мы не хотим подстёгивать слепой фанатизм и массовую историю. Ибо бунт сам по себе ещё не создаёт свободы и солидарного взаимопонимания между людьми; он может привести даже к пропасти, где, как мы сегодня видим, заканчивается свобода.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Опасности революции

Скопировано 23 декабря 2014 года с <http://nihilist.li>
“Опасности революции” – эссе в трёх частях в котором автор критикует как
пацифистские иллюзии о возможности мирного разрешения любых конфликтов,
так и романтизацию насилия. Перевод – liberadio

ru.theanarchistlibrary.org